

ЧАСТЬ 1.

ТОЧКА КИПЕНИЯ

«Красотой торговать нельзя, — думала она, наблюдая, как Юрий в поисках более дешевых цветов перебегает от одной торговки к другой, — ее надо дарить».

Соня восхищенно рассматривала крупные желтые розы, которые продавала молодуха в теплых спортивных брюках. Ей вдруг показалось, что если она прижмет этот огромный букет прямо к лицу и всей грудью вдохнет аромат великолепных цветов, то ее душа просветлеет, очистится от той боли, которая уже несколько лет не дает ей жить.

Соня непроизвольно подалась вперед, внимательно вглядываясь в каждый желтый лепесток.

— Девушка, покупайте! Они просто замечательные! — зычно закричала ей молодуха, заметив интерес к розам. — Идите посмотрите на них поближе. — Девушка уже достала букет из банки и протянула цветы Соне.

Бережно, словно ребенка, Соня прижала желтое чудо к себе.

«Если он мне их подарит, то все у нас будет хорошо», — загадала она, выискивая глазами Юру.

Герасимов тут же заметил ее взгляд и, широко улыбаясь, кивнул головой.

«Подарит!» — обрадовалась Соня, еще крепче прижимая цветы к себе.

Через минуту появился Юрий, гордо, словно знамя, неся перед собой чахлый букетик из трех темно-бордовых роз.

— Я уверен, что Ирке они понравятся, — произнес он, протягивая цветы Соне, и тут же потянул ее за руку. — Ну, пойдём, чего ты застыла, кисонька?!

Молодуха, уже все поняв раньше Сони, разочарованно вздохнула и протрубила:

— Девушка, цветы отдайте, раз брать не собираетесь. И нечего их так мять, — разозлилась она, почти силой вырывая букет из рук.

— Конечно, конечно, — заулыбался Герасимов, — нам эти цветы ни к чему, правда, кисонька, у нас уже есть, — лопотал он, обнимая Соню.

— Конечно, — еле сдерживаясь, чтобы не заплакать от унижения, произнесла она и, резко отвернувшись от торговки, пошла вперед.

— Ты, как всегда, права, — догоняя Соню, заискивающе улыбнулся Юрий, — мы уже действительно опаздываем на день рождения к Ирке.

Соня шла очень быстро, из-за всех сил стараясь выкинуть из головы этот злосчастный букет. Тем не менее настроение было окончательно испорчено. Впрочем, как всегда, когда она была вместе с Герасимовым.

Лена лежала на разбросанной постели, совершенно голая, и лениво смотрела в окно.

Меньше всего на свете ей хотелось сейчас встать, одеваться и тащиться домой. Впрочем, домой можно было и не ходить, все равно там ее никто не ждал, но, к сожалению, и здесь остаться на ночь предложения не поступило.

«Может, еще попросит», — с надеждой подумала она, прислушиваясь к шуму воды, раздававшемуся из ванной.

Лена еще раз внимательно посмотрела в окно на спускающиеся сумерки и, тяжело вздохнув, повернулась на бок.

«Придется встать».

Она лениво свесила с дивана ноги, нащупала тапки и выпрямилась во весь рост. В незашторенном окне, на фоне уже почти черного неба, ясно отразился силуэт очень стройной, молодой девушки.

Собственная фигура всегда была гордостью Лены, и она панически боялась ее потерять. Даже мысль о потере привлекательности приводила ее в трепет. Ведь внешность — это единственное, что у нее есть.

«У меня еще есть родина — в виде заброшенной деревеньки со спившимися родителями, — криво улыбаясь своему отражению в оконном стекле, думала Лена, — и где-то был муж».

При мысли о муже Лену передернуло — она его никогда не любила, а замуж вышла только в надежде убежать из проклятого Богом места, где она родилась и тогда жила. Ее муж был в принципе неплохим человеком, правда, очень непривлекательный внешне, что особенно бросалось в глаза на фоне молодой и интересной жены. Своего мнения он не имел, поэтому жил полностью под руководством и на содержании еще нестарых родителей, которые, на удивление, отнеслись к Лене по-человечески. Все бы ничего, но ему зачем-то понадобились дети, ей совершенно не нужные. Она и рожать-то никогда не собиралась, что потом от фигуры останется: обвислые груди и дряблый живот? Да и при мысли о младенце, который будет походить на мужа внешне, становилось дурно. Поэтому Лена начала тайком пить противозачаточные таблетки, и только про себя посмеивалась, когда муж каждый месяц с нетерпением ждал результатов.

Лена до того уже привыкла к бесцветному, невзрачному мужу, что начала потихоньку гулять на сторону. Впрочем, ее тоже можно было понять. Она была молодой красивой женщиной, вынужденной жить с нелюбимым и неинтересным человеком.

«Как только найду подходящую замену, тут же подам на развод».

Но неожиданно с подходящей заменой возникли проблемы — мужчины с радостью проводили с ней время в постели, но о серьезных отношениях никто не заикался.

С Олегом она встречалась уже пятый раз, и ни разу он не предлагал остаться до утра. Лена подозревала о наличии у него еще одной (или не одной) женщины.

— Ты уже одеваешься? — Олег вошел в комнату, все еще вытирая полотенцем мокрое после душа тело. — Молодец, тебе еще до дома добираться, сейчас вызову такси.

Лена вымученно улыбнулась и пошла в коридор.

«Значит, еще рано, ничего, я подожду», — успокаивала она себя, надевая ботинки.

Как обычно при расставании, Олег чмокнул Лену сухими губами в щеку и сразу же, словно торопясь поскорее от нее избавиться, закрыл дверь.

Очутившись в темном подъезде, остро пахнувшем кошачьей мочой и дешевым табаком, Лена неожиданно заплакала. Домой, так она называла квартиру, которую для них с мужем снимал свекор, идти совершенно не хотелось. Там стояла пугающая тишина и безысходность. Она вдруг отчетливо поняла, что придется возвращаться обратно в ненавистную деревню, к окончательно пропившим разум родителям. Всю последнюю неделю, после того как от нее совершенно неожиданно ушел этот тихоня, этот вечный неудачник — ее муж, к какой-то не то старой, не то новой любви, Лена старалась держать себя в руках. Но, видимо, слишком много она ожидала от сегодняшней, не оправдавшей надежд, встречи с Олегом.

Уже сидя в донельзя прокуренном салоне такси, Лена поняла, что у нее есть единственный выход остаться в городе и жить, как сейчас, без материальных проблем — помириться с Юрой. Как бы противно от этого не становилось. Но как? Она даже не знала, где она сейчас и с кем живет.

«Подумаю завтра, — решила Лена, — прямо как Скарлетт О'Хара», — улыбнулась она, вспоминая некогда любимую героиню.

Он что-то почувствовал и оглянулся еще раз. Сердце тут же ухнуло и остановилось. Теперь она сидела на подоконнике в кухне и курила. Окно было распахнуто настежь, а тоненькие ножки в домашних носках ритмично ударяли по бетонной стене ниже оконного проема: «Тук-тук-тук».

Жена его тоже заметила и радостно замахала рукой. Она всегда провожала его на работу, стоя у окна, пока он не скроется в ближайшей арке. Но никогда прежде она не сидела в окне, находящемся на последнем этаже двенадцатиэтажного дома.

«Я жутко боюсь высоты, и к тому же у меня постоянно кружится голова».

Даже отсюда, снизу, было видно, как неуклюже она прислонилась спиной к оконной раме.

Сделав судорожный шаг назад к дому, он, срывая голос, закричал:

— Немедленно слезай! Упадешь!

— Что? Я не слышу! — Она попыталась повернуться к нему лицом. — Что ты говоришь?

— Слезай! — заорал он, но уже понял, что опоздал. Тяжело разворачиваясь всем корпусом, она разжала руку, которой держалась за раму, и тут же соскользнула с твердой опоры.

Он видел ее безуспешные попытки сохранить равновесие. Еще через секунду она сорвалась с подоконника и полетела вниз, недоуменно, словно спрашивая, как такое могло случиться, запрокинув голову и смотря прямо ему в глаза.

Денисов судорожно дернулся и тут же проснулся.

Постепенно силуэты ночного кошмара стали терять свои краски, а наяву он увидел золотой лес, прямо в центре которого находилось небольшое болото. Сочная желтая листва превосходно оттеняла синесерое осеннее небо. Это великолепие ярко-желтого, лимонного и бордово-красного по замыслу врачей должно было поднимать настроение и настраивать на

оптимистический лад. Иначе зачем бы они повесили прямо перед кроватью больного репродукцию с картины Федора Васильева «Болото в лесу. Осень».

Денисов поморщился, как от зубной боли. Картина ему не нравилась с самого начала, но сейчас, спустя десять месяцев постоянного, вынужденного ее просмотра, просто опротивела. Он уже не видел ни белоснежных цапель, грациозно стоящих в тусклой осенней воде, ни величественных деревьев, убранных янтарной листвой, ни похожих на рваную вату кучевых облаков. Взгляд был прочно прикован к болоту. Именно болото на этой репродукции и вызывало у Денисова острый приступ депрессии, даже при беглом взгляде на картину.

«Болото. Я попал в болото. Меня засосала больничная тряпина. — И снова закрыл глаза. — Надо попросить, чтобы ее сняли, иначе я сам ее выброшу в окно», — решил он, невольно продолжая думать о проклятой репродукции.

«Окно». И тут же воскрес ночной кошмар.

«Господи, это никогда не кончится». Денисов с головой укрылся одеялом.

На улице стояла постоянная, изматывающая жара, но в комнате, надежно «охраняемой» кондиционером, всегда было прохладно.

— Пора вставать. — Медсестра бесшумно проскользнула в палату. — Доброе утро!

— Доброе! — буркнул Денисов, откидывая одеяло.

«Все равно сейчас в покое не оставят».

— Как спалось? Кошмары не мучили? — протягивая электронный термометр, поинтересовалась женщина.

— Конечно, не мучили, — белозубо улыбаясь, наврал Денисов. — Меня уже давно пора выписывать.

— Значит, скоро выпишут, — пообещала медсестра и вышла из палаты.

Мгновенно ее лицо из любезно-приветливого превратилось в высокомерно-надменное. «Никогда тебя от-

сюда не выпишут, дружок», и медсестра с видом человека, обладающего безграничной властью, неспешной походкой двинулась по коридору.

Светлана Федоровна пересекла маленький коридорчик и вышла на небольшую лестницу, ведущую на первый этаж. Судорожно огляделась по сторонам, но тут же с облегчением вздохнула. Хотя и работала она здесь давно, все равно боялась заблудиться в этой «иностранной архитектуре», к которой никак не могла привыкнуть. Все эти лесенки-коридорчики вызывали в Светлане Федоровне справедливое, как она считала, раздражение.

Она была из категории тех людей, которые всегда всем недовольны, и, может быть, поэтому в законные сорок три года выглядела на все шестьдесят. Маленький рост и тучное телосложение тоже особо не молодили, но, несмотря на это, Светлана считала себя очень привлекательной женщиной, к которой судьба была слишком жестока. Поэтому и испытывала постоянную злость, временами переходящую просто в ненависть, глядя на всех этих богатых, «заплывших жиром» местных больных, которые могут себе позволить здесь лечиться. Сама же она, дипломированный врач-невропатолог, работала в этой элитной клинике на берегу Красного моря только медицинской сестрой. Правда, она постоянно забывала, что ее месячное жалование на этом месте было на порядок больше годовой зарплаты большинства врачей на ее Родине, откуда ей пришлось пять лет назад буквально сбежать, схватив с собой только самое необходимое.

Светлана не любила вспоминать ту историю, из-за которой она в конечном счете и оказалась в этой элитной клинике, куда устроиться на работу просто смертному было просто нереально. Будь ты хоть специалистом самой высокой категории, и то вероятность попадания в штат не превышала одного процента.

Светлана Федоровна в ту пору была заведующей неврологического отделения одной из городских больниц. Зарплату, как и большинство врачей нашей справедливой Родины, она получала мизерную, поэтому подрабатывала как могла — брала «подарки» от больных, за «небольшую» оплату предлагала более внимательное отношение к хворому, а попросту говоря, брала взятки со всех и каждого. Причем пациенты не жаловались, справедливо полагая, что за нищенскую зарплату качественно их лечить никто не станет. Такое же понятие, как «врачебный долг», в России уже давно было не в моде.

Так бы и жила Светлана Федоровна сытно и уютно, если бы черт не попутал. В городе наступили новые капиталистические времена — стали открываться частные медицинские кабинеты, где деньги гребли, как ей казалось, просто лопатой. В один из таких кабинетов и подрядилась она подрабатывать в свободное время психоаналитиком.

Конечно, нужной квалификации у нее не было, потому что разница между невропатологом и психоаналитиком огромная, но в то время на это особенно-го внимания не обращали. Что, заведующая «нервным» отделением не сможет дать какому-нибудь лоху совет, как жить дальше? Чушь!

Но именно здесь Светлане Федоровне и не повезло. Между нами говоря, и невропатологом-то она была никудышным, еле-еле на троечки закончив в свое время мединститут, а завотделением стала уже благодаря другому своему более яркому таланту. Таланту ложиться на спину и раздвигать ноги тогда, когда этого требует текущая ситуация или очередной тактический ход. Главврач городской больницы, куда после распределения поступила Светочка, сразу понял, какой «специалист» перед ним находится, и первое время даже боялся ее подпускать к больным. Светочка это тоже поняла и воспользовалась своим основным талантом.

Седой, грузный и катастрофически стареющий главврач ухватился за Светочкин «талант» обеими руками, и не только руками, и дал своей молодой любовнице «зеленый свет».

Поэтому, как только появилась возможность, он порекомендовал на должность заведующим отделением великолепного специалиста — Салову Светлану Федоровну.

Ну а с «Кабинетом психологической помощи» вышла промашка. Светочка, внешностью обладая самой невыразительной и душой акулы-людоеда, еще с юности ненавидела красивых женщин. А тем более если такая еще была и замужем или при постоянном друге (в то время как сама Светочка, несправедливо одинокая, имела только «нужных» любовников, встречи с которыми радости, конечно, не приносили). И надо же такому случиться, что первой же клиенткой этого злосчастного кабинета стала молодая, ослепительно красивая женщина, которая находилась в состоянии черной депрессии из-за того, что никак не могла выбрать между добрым и надежным мужем и юным любовником.

Светлана Федоровна возненавидела ее с первой секунды, однако внимательно выслушала, дала неумелые и банальные советы, а потом крепко задумалась. Навела справки и, когда женщина пришла на очередной прием, прямо так ей и заявила: «Давай, мол, деньги, иначе все мужу расскажу». Красотка, конечно, в слезы, побледнела, как смерть, и выбежала из кабинета. Но Светочка осталась совершенно спокойна — она была уверена, что завтра пациентка вернется, и не просто вернется, а с деньгами. Куда ей деваться? Муж у нее был, как выяснила Светлана, может, и «добрый и надежный», но и представитель «кавказской» национальности, а эти, как известно, — народ горячий и вспыльчивый.

Ей, знатоку человеческих душ, и в голову не пришло, что ее пациентка была действительно серьезно больна и способна на любые поступки.

Поэтому поздно вечером того же дня она очень удивилась, когда к ней в дверь позвонили и «нерусский» голос приказал немедленно открыть.

Светлана Федоровна открывать, конечно, не стала, а побежала на кухню за телефоном, чтобы позвонить в милицию. Но телефон почему-то не работал. А спустя минуту входная дверь открылась сама, и трое здоровенных мужиков ворвались в квартиру.

Светлана подняла бесцветные глаза к южному васильковому небу и поежилась. Даже сейчас, спустя пять лет, ее начинал бить озноб только при одном упоминании о том вечере.

Одним из здоровенных кавказцев оказался муж той распрекрасной женщины, он и поведал насмерть перепуганной Светлане Федоровне, что его жена три часа назад покончила с собой, но оставила записку, в которой подробно описала — кто, что и сколько от нее хотел.

А так как в записке про любовника не было ни слова, то убитый горем муж решил, что эта поганая врачиха и является причиной смерти его горячо любимой супруги. Конечно, в тот момент ему и в голову не пришло узнать, а чем, собственно говоря, шантажировала эта врачиха его безупречную красавицу жену.

Били Светлану Федоровну недолго, но со вкусом. Еще немного, и ей уже не помогли бы восстановить здоровье ни деньги, ни связи. Но вмешался Его Величество Случай. Обычно у каждого человека, хоть раз в жизни, возникает такая ситуация, когда что-то или кто-то совершенно случайно спасает от неминуемой смерти. Этим вечером, на счастье Светланы, у них в доме отключили холодную воду, а уже ночью внезапно дали. Как оказалось позже, она до упора открыла кран и совершенно про него забыла, и вот теперь из полной до краев раковины уже около часа ледяная вода с легким журчанием лилась на пол в ванной комнате, за плотно закрытыми дверями. В шуме драки никто не обратил внимания на тихое плескание, доносящееся из-за двери.

И когда возмущенная соседка с нижнего этажа сначала яростно стучала в дверь, а потом, подумав, что дома никого нет, помчалась за слесарем, — кавказцы решили, что им светиться не стоит, и, оставив уже бездыханное тело Светланы Федоровны, поспешно ретировались. Вообще, спустя полчаса ее обнаружили, вызвали «Скорую» и, пролежав три месяца в больнице, Светлана Федоровна благополучно выздоровела.

Ее все жалели, так как считали, что в дом залезли отморозки-наркоманы, а об истинных причинах никто даже не догадывался.

Светлана первое время была уверена, что кавказцы вернутся и убьют ее в больничной палате, но время шло, а за ней никто так и не пришел. Тогда она решила, что, видимо, мстители посчитали, что с нее хватит, и оставили ее в покое. Но сама она успокоиться не могла.

И правильно. Потому что в первый же ее вечер дома к ней в дверь опять позвонили и так же приказали открыть. Правда, уже русским голосом. Хорошо помня, что произошло в прошлый раз, после того как она отказалась пустить гостей добровольно и надеясь откупиться от незваного визитера сбереженными деньгами, Светлана Федоровна, судорожно всхлипнув, открыла дверь.

На пороге стоял молодой мужчина и с нескрываемым интересом смотрел прямо ей в глаза. Светлана отпрянула и тут же поняла, кто ее ночной гость. Она совсем забыла, но ведь у той, проклятой красотки, кажется, был еще и любовник, который, естественно, тоже хотел мести.

Но этот милый юноша, нежный любовник, будучи по совместительству одним из руководителей некрупной, но все же бандитской группировки, как выяснилось позже, бить Светлану Федоровну не стал. Не взял он и откупного. А наоборот, предупредил, что «горячий» кавказский муж поклялся ее уничтожить в ближайшее время, чтобы восторжествовала справедливость. Потом милый юноша подождал, когда до Свет-

ланы Федоровны дойдет услышанное, и неожиданно предложил сотрудничество. В случае же отказа, сначала долг любящего безутешного мужчины исполнит он, а потом то, что от нее, Светланы, останется, передадут в руки «старому доброму другу» — кавказцу.

Светлана поежилась и усилием воли отогнала воспоминания.

Некогда. Сейчас ей предстоит важное дело, не стоит отвлекаться.

Светлана Федоровна еще раз оглянулась по сторонам и, убедившись, что за ней никто не наблюдает, осторожно подошла к условному месту у высокого забора, по периметру окружающего лечебный корпус. Раздвинув ветки огромного куста, сплошь покрытого огромными красными цветами, она обнаружила тщательно замаскированное отверстие, одной стороной выходящее наружу. Диаметр дыры был совсем небольшим, но достаточным, чтобы просунуть внутрь туго свернутый рулон бумаги.

Светлана уверенно засунула в отверстие руку и вытащила сверток. Мгновение поколебавшись, она его развернула.

На стандартном белом листке была только одна цифра «25», но для нее эта цифра говорила о многом.

Словно что-то забыв, Светлана еще раз опустила руку в отверстие. Там оказалась маленькая, от диктофона, аудиокассета. Теперь все.

Обратно Светлана Федоровна возвращалась в таком приподнятом настроении, что даже помахала рукой охране, сидевшей в небольшом открытом домике у центрального входа.

Теперь, когда она знала, что делать, к ней пришла уверенность в своих силах. Светлана занималась этим уже давно, и чем больше она это делала, тем больше ей нравилось. Дело было даже не в деньгах, которые она за это получала, и не в безысходности напуганного, так как она могла уже давно все бросить и уехать, а потом прожить на имеющиеся деньги безбедную жизнь.

Все дело было во власти. В безграничной власти над человеческой жизнью. Эта власть пьянила Светлану, как самое хорошее вино. Пьянило и согревало теплом давно остывшую лютую душу.

Соня блаженно улыбнулась и, устроившись поудобнее, прижалась к Кириллу. Она только что приняла ванну, где долго и с наслаждением плескалась в теплой воде, ароматизированной розовым маслом.

Соня возлежала, полностью утопая в пене, и лениво разглядывала сквозь полуопущенные веки нежно-голубую, запотевшую от пара плитку на стенах. Вода уже начала остывать, и Соня, легко вздохнув, вылезла из купели и завернулась в огромное розовое полотенце. Она осторожно прокралась по небольшому коридору и заглянула в спальню.

Телевизор работал без звука, отбрасывая разноцветные отблески на лицо мужа, который дремал, так и не выпустив из руки пульт, полулежа на разобранной постели.

«Не дождался, соня», — с нежностью подумала она, тихонька пробираясь в собственную постель.

Через секунду мокрое полотенце полетело прочь, а Соня прижалась к Кириллу.

Тот сразу же открыл глаза и счастливо улыбнулся.

— Здравствуй, мышка! — и очень нежно начал ее целовать...

Потом Соня еще долго лежала без сна, ощущая приятную усталость и наблюдая за спящим мужем. Телевизор давно выключили, а из кухни едва слышно доносилась божественно красивая мелодия, которую передавала по приемнику какая-то ночная радиостанция.

Соня осторожно приподнялась на локте и бережно, чтобы не разбудить, едва касаясь губами, поцеловала спящего Кирилла.

«Господи, — мысленно взмолилась она, — пожалуйста, я так не хочу его потерять».

В эту минуту Соне хотелось заплакать от переполнявшего ее счастья. Ни с чем не сравнимое чувство пьянящей эйфории завладело всем ее сознанием.

В ту ночь сама она не спала, а только смотрела на спящего Кирилла и благодарила Судьбу за встречу с ним.

Соня поморщилась от самой настоящей боли, буквально рвущей ей душу, и тут же открыла глаза.

В полупустом салоне автобуса из невидимых динамиков доносилась та самая волшебная мелодия. Соня, еще окончательно не проснувшись, удивленно смотрела по сторонам.

Рядом, держа на коленях букетик из почти опавших, темно-бордовых роз, сидел Юра и, безбожно фальшивя, подпевал вполголоса.

— Проснулась, солнышко? — улыбнулся Герасимов, увидев, что Соня изумленно крутит головой.

— А я что, задремала?

— Как только мы сели в автобус, — как будто уличая ее в чем-то постыдном, объяснил Герасимов и принялся снова насвистывать мотив все еще звучащей мелодии.

«Господи, какой он отвратительный!». Соню просто передернуло, да как он может опошлять своим воробьиным писком эту святую для нее музыку.

Но она все же сдержалась, а вслух попросила:

— Юра, не свисти, пожалуйста, денег не будет!

Герасимов удивленно посмотрел на Соню, но, к счастью, замолчал.

Даже теперь, спустя много лет, она так и не смогла понять, почему этот, в сущности, самый банальный семейный вечер стал самым счастливым моментом в ее жизни. Намертво врезалась в память и та чудесная мелодия, которая внезапно стала символом той ночи. Правда, сейчас Соня сразу же выключала любой источник звука, откуда, по какой-то случайности, доносился

этот мотив... Потому что было слишком больно. Как будто эта чарующая музыка раскаленным железом выжигала на ее и без того изуродованном сердце свои волшебные ноты. Казалось бы, спустя столько лет боль должна утихнуть, ожог зажить, но... Стоило Соне услышать только первые аккорда мелодии, ставшей для нее реквиемом, чудовищная тоска по навсегда утраченному счастью была тут как тут.

Когда Соня с Герасимовым наконец-то добрались до Иркиного дома, неожиданно пошел дождь. Соня, у которой настроение и так было на «нуле», загрустила еще больше.

— Что-то не так, солнышко мое? — Юра ласково потрепал ее по голове.

«Как собаку», — машинально отметила Соня.

— Нет, все замечательно!

«Просто всегда, когда мы вместе, мне хочется удаться». Последнюю фразу она произнесла про себя.

Дверь им открыла зареванная Ирина и, даже не взглянув на протянутый Юрой букет, запричитала с порога:

— Нет, вы только послушайте! Он даже меня не поздравил! Даже по телефону не позвонил!

Речь шла о последнем муже Ирины, с которым они «временно», как она говорила, расстались.

— Может, еще позвонит, — устало предположила Соня.

Она поняла, что весь вечер будет вынуждена выслушивать сотую версию разрыва «двух любящих сердец», и чуть не застонала вслух.

День рождения не получился. Герасимов произносить тосты не умел, он молча и сосредоточенно жевал местами подгорелую пиццу Иркиного исполнения.

Соня еле-еле поддерживала унылую компанию философскими высказываниями, типа: «Все, что ни делается — делается к лучшему», а хозяйка откровенно поливала экс-супруга грязью.

Больше приглашенных не было, а может, и были, только не пожелали прийти.

Когда спустя два часа они наконец собрались домой, Соня облегченно вздохнула.

Жизнь начала налаживаться.

Еще через час в дверь Сониной квартиры позвонили, и уже абсолютно пьяная Ирина с истерическими нотками в голосе провещала:

— Мне некуда больше идти, если вы меня выгоните, я наложу на себя руки!

«Не говори гоп, пока не перепрыгнул! Хорошо сказано, только мне больше нравится: «Не говори гоп, пока не увидишь, куда прыгнул!» — думала Соня, медленно размешивая уже окончательно остывший чай в кружке.

Последние полчаса она уже совершенно не слушала Ирину, которая ввалилась в Сонину маленькую кухню, заливалась слезами и в сотый раз рассказывала «про себя несчастную».

История была до безобразия банальна. Очередной ее гражданский муж, которого она так долго обхаживала, сначала согласился с ней жить, а потом выставил ее с вещами на улицу. Ирина страшно гордилась тем, что ей удалось так ловко отхватить «лакомый кусочек», и в начале совместной жизни с Александром постоянно приходила к Соне хвастаться — вещами, которые он ей покупал, поездкой на Кипр, где они отмечали своеобразный медовый месяц, морскими камушками, которые она привезла из поездки. Неважно, чем хвалиться, главное, что у Сони тогда ничего этого не было — ни мужа, ни Кипра, ни даже морских камушков.

Со временем Ира приуныла и хвастаться перестала. Во-первых, Соня не завидовала, а во-вторых, у самой Иры появились небольшие проблемы. Как оказалось, Александр, кроме достоинств, имел еще и незначительные недостатки, такие как «замечательная» мама и психологическая жадность — в чем клялась Ирина.

Потом выяснилось, что жить с ним совершенно невозможно еще и потому, что Александр полный импотент, что с пугающими анатомическими подробностями доказывала «счастливая» жена. С маниакальной настойчивостью Ирина рисовала на любой подвернувшийся ей под руку бумаге «замусоренные шланги», и тонко намекала на их идентичность с «мужским достоинством» Александра. Причем данные чертежи были насильно показаны не только самой Соне и всем их общим знакомым, но и несчастной соседке, зашедшей за солью.

На протяжении двух месяцев Ирка каждый вечер рассказывала Соне, как она красиво от него уйдет, хлопнув дверью.

Время шло, но своих угроз Ирина не выполняла. И вот две недели назад она появилась у Сони в час ночи с чемоданом в руках и небольшим свертком под мышкой. А у подъезда ее ждал грузовик.

Оказалось, что весь последний месяц Александр не знал, как от нее избавиться, и наконец его терпение лопнуло. В тот злосчастный вечер он подогнал арендованный на час грузовик, погрузил туда экс-супругу, огромную кучу одежды, которую запасливая Ирка успела приобрести за их недолгую совместную жизнь, и отправил восвояси. Но почему-то особенно злило Ирку то, что она не смогла забрать с собой его кухонный комбайн, а от тефалевской сковородки удалось припрятать только крышку.

Соне ужасно хотелось спать, глаза буквально слипались.

«Интересно, который сейчас час?» — подумала она и повернула голову.

Справа на стене, как раз напротив кухонного стола, за которым сидели женщины, висели небольшие часы в форме чайника, которые, к ужасу Сони, показывали полпервого ночи.

— Ладно, Ирка, давай закругляться, пойдем спать, завтра же на работу, — безнадежно попросила Соня.

Она прекрасно знала, чем сейчас все закончится, и уже заранее ругала себя за то, что влезла со своим предложением «идти спать».

Ну, точно, все как всегда. Ира, прерванная на середине своего бесконечного монолога, вдруг громко всхлипнула и начала реветь, слезы покатались ручьями, и Соня, как обычно, начала снова, уже в сотый раз за вечер, и, наверное, в десяти тысячный раз за последние две недели, утешать подругу:

— Ну, прекрати, ты же молодая, красивая, здоровая, все у тебя есть — даже ребенок, ну что так из-за мужика расстраиваться! Он недотепа и маменькин сынок! На черта он тебе сдался?

«Зря я про ребенка сказала», — спохватилась Соня, но было уже поздно.

— Тебе хорошо говорить, у тебя нет ребенка, которого надо кормить и воспитывать, а у меня все неприятности с мужчинами из-за него. Кому нужен лишний рот? — опять залилась слезами Ира.

Соню передернуло. Все было совсем не так — ребенок, которому, кстати, исполнилось семнадцать лет, уже не нуждался в воспитании, да и жил он у матери Ирки постоянно, начиная с двухлетнего возраста, и с очередным Иркиным «мужем» виделся только раза три.

«Сказать ей, что ли? — тоскливо решила Соня, но, подумав над перспективой продолжения вселенского потопа, только мысленно махнула рукой. — А смысл? Опять затянет бодягу про то, что я еще молодая и ничего не понимаю в жизни. Хотя это ей не мешает каждый вечер спрашивать моего совета, как жить дальше», — с усмешкой заметила Соня.

Дверь отворилась, и в кухню заглянул уже заспанный Юра.

— Соня, — обратился он к жене, — давай спать, да и тебе Ирочка пора уже отдохнуть. Оставайся у нас, куда ты пойдешь на ночь глядя.

«Бедняга», — подумала Соня, взглядываясь в помятое лицо мужа. Конечно, ему не хочется тащиться провожать Ирку до дома посреди ночи.

Вчера и позавчера все именно так и было — слезы, разговоры до утра, потом Юра сопровождал ее до жилища (перед этим Соня полчаса уговаривала его совершить этот геройский поступок — ну, не отправлять же красивую женщину ночью одну?).

Видимо, сегодня Юрий Герасимов решил пойти на компромисс и предложил Ирке остаться у них, хотя в однокомнатной квартире и места нет, да и терпеть он не мог чужих в доме.

Но Ирка, похоже, только этого и ждала. Она тут же успокоилась, вытерла слезы и, уже совершенно трезвая, защебетала:

— Ну и везет же тебе с супругами, подруга! За что, не пойму, такие мужики только тебе достаются? Ладно, пойду спать! — и вывалилась из кухни.

Юра поплелся следом.

А Соня осталась сидеть за столом, все еще перева-ривая услышанное. Она прекрасно понимала, что Ирка сейчас просто нагло ее использует, но почему-то не могла выгнать человека, нуждающегося в помощи, на улицу. Хотя из-за Ирки у них с Юрой начались неприятности — ему не нравилось, что она постоянно у них дома, что Соня с ней проводит все вечера и что Ирка стабильно опустошает «хозяйский» холодильник — ему, конечно, не жалко, но и совесть иметь надо.

Соня прекрасно понимала, что муж прав. Вот и сегодня, только стоило им оказаться в постели, в дверь тут же позвонили.

— Не открывай! — потребовал Юра, продолжая целовать Соню.

Через пару минут непрерывной трели в дверь начали буквально ломиться. Часы показывали 22.45.

— Пойду открою, — вздохнула Соня.

Она уже прекрасно поняла, кто пришел.

Юра недовольно поморщился:

— Совсем обнаглела!

— Ну, как ты можешь — у нее же горе! — возразила Соня, скрываясь в коридоре.

— Я вас не разбудила? — тотчас донеслось оттуда. — Мне сейчас так тяжело одной.

Далее послышались всхлипы, стоны и все как обычно — по программе.

И вот теперь Ирка так ее отблагодарила.

Соня сначала хотела пойти и высказать ей все, что она о ней думает, но потом решила сделать по-другому. Просто с завтрашнего дня, вернее, уже с сегодняшнего, она будет пускать к ним Ирку гораздо реже. И пусть та обижается, если хочет. В конце концов, у Сони свои проблемы — и с Юркой они живут вместе только меньше месяца, и вовсе он ей не «муж», он еще и с женой-то своей не развелся.

Соня поднялась с табурета и неожиданно для себя снова поставила чайник на огонь. Спать совсем расхотелось.

«Выпью еще чаю», — решила она.

Все мрачные мысли, которые она гнала от себя последнее время, вдруг снова роем закружились в голове.

Юру она не любила. Совсем. Никогда. Знакомы они были больше десяти лет. Сначала учились вместе в институте, потом так получилось, что стали жить в одном доме. Герасимов же влюбился в Соню с первого взгляда. В институте Соня на него совершенно не обращала внимания. Был он худой, с впалой грудью, безбожно сутулился. Лицо Юры тоже симпатичным не назовешь — маленькие, глубоко посаженные глаза, узкий лоб и жиденькие волосенки цвета большой вороны. Да и вообще он был какой-то без божьей искры. Соне же нравились совсем другие — смелые, раскованные и беспшабашные, готовые ради нее совершать любые глупости — стоять перед ней на коленях посреди улицы или заваливать цветами лестничную площадку, на которой она жила.

За такого парня и вышла Соня замуж сразу же на первом курсе института. Расстались они спустя полгода, рассорившись из-за ерунды. Оказались оба гордые, и никто не хотел идти мириться первым.

Потом за Соней начали ухаживать другие мальчишки. У него появилась подруга...

Вообще, развелись они только спустя три года, уже совсем чужими людьми.

Соня только сейчас, почти десять лет спустя, поняла, как глупы они тогда были — юношеский максимализм. Зря, конечно, ведь любили друг друга по-настоящему. И им было вместе не скучно. Им вообще никто не был нужен — когда они были вместе.

Сильно она тогда переживала разрыв, вот поэтому и появился Юра. Он отличался от других ее поклонников тем, что ничего не требовал. Самой большой наградой для него было ее присутствие. Герасимов заваливал ее стихами, цветами и игрушками. Она всегда была во всем для него права — даже если была совершенно не права. Юра мог всю ночь напролет простоять под дождем у ее окна, дожидаясь, пока Соня выглянет хоть на минутку. И хотя он постоянно видел ее с разными мужчинами, никогда ее ни в чем не упрекал. Просто любил и ждал своего часа.

«Дождлся!» — горько усмехнулась Соня, прихлебывая обжигающий чай.

Дальше вспоминать совсем не хотелось. Но было уже поздно — картинки из прошлой жизни сами собой наполнили ее голову. Так было всегда, стоило хоть немного вспомнить Кирилла.

Единственную ее любовь.

«Где он сейчас?» — подумала Соня и неожиданно для себя самой расплакалась.

Вот именно тогда, когда исчез из ее жизни Кирилл, опять и появился в ней Юра...

У Сони не было никаких сил сопротивляться его натиску. Она смотрела на все и всех сквозь черную пе-

лену слез. Поэтому как-то быстро позволила Герасимову уговорить себя жить вместе.

Юрик к тому времени был уже три года как женат. Но это не имело значения.

«Потому что я всю жизнь любил только тебя», — говорил он.

И Соня ему поверила.

Утро наступило безрадостным, с какой стороны ни взгляни. Соня совершенно не выспалась, под ногами постоянно путалась Ирка — сначала ей был нужен фен, затем лак для волос, а под конец она нечаянно опрокинула чашку с кофе на платье, в котором Соня собиралась пойти на работу. В результате всего этого кошмара Соня не успела помыть голову и пришлось надевать дурацкий парик, который ей совершенно не шел. Ярко-рыжие волосы были подстрижены под каре и делали ее похожей на проститутку-интеллектуалку. Если такое, конечно, можно представить.

Платье тоже было безнадежно испорчено, и Соня с вздохом достала из шкафа опостылевший строгий серый костюм. Но на нем не было пуговиц — она совершенно забыла, что сама их спорола, когда отдавала костюм в химчистку.

Без сил Соня опустилась на тахту. В этот момент хлопнула входная дверь — веселая и, как всегда, элегантная Ирка выпорхнула на работу.

Соня схватила тапку и со злостью кинула ей вслед. Красиво перевернувшись в воздухе, тапка полетела левее двери и сшибла вазу с сухими цветами, которая уже, наверное, лет сто стояла в прихожей.

На звон разбившегося стекла из ванной выглянул Юра.

— Ты чего? — удивленно спросил он.

Соня отчаянно махнула рукой:

— Мне не в чем идти на работу!

— Надевай мой синий свитер. Он унисекс, — улыбнулся Юра, застегивая ботинки.

Неуклюже пытаясь спрятать за спиной серую спортивную сумку, он явно нервничал.

Соня удивленно посмотрела на сумку.

— Это в прачечную, — быстро пояснил Юра, переложив ее из одной руки в другую. — Ну я пошел. Вечером задержусь — хочу зайти к жене, поговорить о разводе.

Герасимов наклонился, чтобы поцеловать Соню.

— Ты знаешь, как я тебя люблю? Таких женщин, как ты, больше нет на свете! Я сделаю тебя самой счастливой! — прошептал он, заглядывая в глаза.

«Господи, ну зачем он так много говорит?» — мысленно простонала Соня. Но вслух машинально ответила:

— Я тебя тоже люблю. Знаешь, — вдруг решила Соня, — не пойду я сегодня на работу! Сейчас позвоню и скажу, что заболела.

— Что-то это на тебя не похоже, — удивился Герасимов.

— Я действительно себя плохо чувствую. Совсем не выспалась из-за этой несчастной.

— Точно не пойдешь?

— Теперь уже точно. Все равно ведь опоздаю.

— Ну, тогда до вечера!

Еще раз хлопнула входная дверь. Наконец ушел Юра.

Оставшись одна, Соня вдруг отчетливо поняла, что ей меньше всего на свете хочется провести весь день дома, мучаясь терзавшими ее сердце вопросами.

Поэтому она начала быстро одеваться. Брюки, синий Юркин свитер, парик.

Кстати, парик ей купил Кирилл на Новый год. Соня вспомнила, как она тогда обрадовалась, как они по очереди примеряли парик и крутились перед зеркалом. Под конец все закончилось веселой свалкой в спальне, которая плавно перетекла во...

«Все, хватит...» — одернула себя Соня, но было уже поздно. Она почему-то с пугающей отчетливостью

помнила тот Новый год. Новый год вдвоем. Это был последний праздник, который они встретили вместе. Соня была тогда так счастлива, а потом начался кошмар...

Еще раз мотнула головой, пытаясь избавиться от прошлого, которое так некстати она воскресила сегодня.

Уже в прихожей, осторожно обходя разбитую вазу, которую она так и не успела убрать, Соня взглянула на себя в зеркало.

«Господи, я даже накраситься не успела. Придется надеть темные очки. Накрашусь на работе».

Надо было спешить, времени было в обрез.

Едва открыв входную дверь, Соня тут же налетела на Свету, соседку снизу.

— Соня, как хорошо, что ты еще дома, — закричала она, — мне нужна твоя помощь.

Соня обреченно остановилась на пороге своей квартиры. Значит, сегодня она точно опоздает.

— Говори, что надо, только очень быстро.

— Мне нужен твой серый костюм, — выпалила Света. — У меня сегодня собеседование, а надеть, как всегда, нечего. Дай, пожалуйста!

Она умоляюще посмотрела на Соню.

— Бери, ради бога. — Соня уже выбежала на площадку, когда поняла, что помощи, как таковой, от нее не требуется.

— Только у него пуговицы спороты, пришей и надевай. Дверь потом просто захлопнешь, и все! — прокричала она уже снизу.

— Спасибо!! — И Света зашла в квартиру.

Соня выбежала из подъезда и налетела на мужчину, курившего прямо около двери. Тот внимательно посмотрел на молодую женщину с ярко-рыжими волосами, которая его чуть не сбила с ног, и равнодушно отвернулся.

«Не она!» — решил он.

А Соня, не оглядываясь, устремилась дальше. До трамвайной остановки было две дороги — одна по улице, а другая через стройку. Причем через стройку в два раза быстрее. И несмотря на то что стройка была заброшенная, на ней обитали бомжи и малопривлекательные личности, Соня постоянно бегала именно через нее. Впрочем, как почти все жители близлежащих домов.

«Пока гром не грянет, мужик не перекрестится, — думала Соня, проносясь мимо огромных труб, разбросанных по всей площадке. — А ведь здесь и убить могут, и никто потом не найдет».

Но как она ни спешила, трамвай, на котором она ездила на работу, уже ушел. Следующего пришлось бы ждать 20 минут, которых не было. Соня подбежала к одинокой машине, припаркованной недалеко от автобусной остановки, расположенной как раз напротив трамвайной.

— Довезете? — с отчаянием спросила она, наклоняясь к водителскому окошку.

Дедок, сидевший за рулем допотопного «Москвича», оценивающе оглядел Сою.

— Семьдесят рублей, — наконец буркнул он.

Соня вздохнула и полезла в машину. Конечно, семьдесят рублей — это настоящий грабеж, но спорить у нее уже не было ни сил, ни времени.

Дедок довольно крикнул «нашел дуру!» и тронулся с места.

Откинувшись на неудобном заднем сиденье «Москвича», Соня неожиданно разозлилась на Юру. Ведь он видел, что она опаздывает, мог бы и подвезти. Сам-то он добирался на работу на отцовской машине, которая стояла в гараже как раз в Сонином дворе.

«Интересно, он не догадался или ему просто наплевать?» — размышляла Соня, уже совершенно забыв о том, что собиралась остаться дома. И тут же ей стало совестно.

«Господи, он же ходит за тобой уже десять лет. Какие доказательства тебе еще нужны? Юра — хороший, хороший парень. Кстати, он единственный до сих пор тебя любит. Несмотря ни на что. И вообще, что сделано — то сделано».

Но тем не менее даже в этом внутреннем монологе чувствовалась какая-то фальшь. Ей было постоянно за него неловко — и за его блеклую внешность, и за манеру одеваться (Юра предпочитал спортивные брюки в любой ситуации и длинные бесформенные свитера, половину из которых давно пора было выбросить), а когда приходили гости и он начинал вдаваться в философию, в которой понимал как мартышка в апельсинах, Соня просто сгорала от стыда. Поэтому она старалась появляться с ним на людях как можно реже. Перестала сама ходить в гости и приглашать к себе. Исключением была Ирина, которая никогда не спрашивала разрешения прийти, а просто приходила. Впрочем, для этого и существуют настоящие друзья. И тем не менее Соня решила с ним жить вместе.

«Почему?» — в который раз спрашивала она себя. Но уже знала ответ. Потому что он ее любит. Потому что она перед ним в долгу. Потому что из-за нее, вертихвостки, он один раз чуть не умер. Потому что она устала от безумных романов и теперь хочется простого женского счастья.

Соню передернуло — «простое женское счастье», господи, до чего глупо! Как будто счастье бывает женским или мужским. Счастье — это когда не надо себе доказывать, что ты счастлива. Это просто состояние души.

Больше из подъезда никто не выходил. Основная масса жильцов уже ушла на службу. Остальные же, счастливики, которым не надо корпеть с 8 до 17, занялись своими делами.

Она сегодня тоже не пошла на работу, как его и предупредили.

Патлатому не нравилась идея со стройкой, в квартире можно сделать все гораздо спокойнее. Можно сказать, что ему повезло.

Патлатый бросил недокуренную сигарету и еще раз внимательно оглядел двор. Ничего особенного — все, как всегда. За последний месяц, в течение которого следовало приступить к выполнению заказа, он уже начал различать привычки этого дома. Вот из 17-й квартиры немолодая женщина выгуливает собаку. Она это делает каждое утро примерно в одно и то же время.

Он посмотрел на часы, стоит немного переждать, пусть она заведет свою шавку домой. Свидетели ему не нужны.

Через десять минут Патлатый стоял около нужной ему двери и внимательно прислушивался. Он знал, что она сейчас дома одна. Нужно было сделать дело побыстрее и уходить. Руки уже начали предательски дрожать, и Патлатый сильно вспотел. Пора принять новую дозу. Но не сейчас. Сейчас ему нужна светлая голова. Вот когда все закончится...

Заранее приготовленным ключом он неслышно открыл дверь. Стараясь ступать как можно тише, Патлатый проник в комнату. Спинай к нему у окна, в потоке солнечного света, стояла худенькая женщина в сером костюме и что-то напевала.

Он сразу узнал этот костюм. Она в нем очень часто ходила на работу в последнее время. Патлатый даже запомнил стальные пуговицы со стразами, которые украшали жакет.

Внезапно голову сдавили железные тиски, и он недовольно поморщился. Времени совсем не оставалось, а все из-за этой суки с собачкой, пришлось проторчать незапланированные десять минут.

Сильно нервничая, Патлатый все же приступил к работе.

Женщина даже не повернулась. Все вышло как по маслу.

Через час Патлатый был уже дома. А еще через десять минут наркотик завладел всем его истерзанным сознанием, и он отключился.

Соня взглянула на часы. Без пяти восемь. В офисе уже давно никого не было, за окном начали сгущаться сумерки.

«Пора домой», — с тоской подумала Соня и встала из-за стола.

От длительного сидения в одной позе ломило шею. Соня взяла сумку и, массируя основание затылка, пошла к двери.

«Господи, как домой не хочется, выпью-ка я лучше на дорожку кофейку».

Она бросила сумку на стол и подошла к чайнику. Но в нем воды не оказалось, а идти за ней было лень.

Не зная, чем бы еще себя занять, Соня в нерешительности застыла посреди кабинета. В последнее время она стала очень часто задерживаться на работе.

Однако в голову ничего подходящего не приходило и, простояв истуканом минуты три, она все же засоби-ралась домой.

Выйдя на улицу, Соня даже удивилась, до чего же превосходным был этот вечер. Легкий ветерок осторожно гнал под ноги еще немногочисленную желтую листву. Совсем скоро он окрепнет и превратится в холодный осенний ветер, который принесет с собой бесконечные дожди, грязь, грипп и прочие радости.

Соня терпеть не могла осень. Ей казалось, что конца-краю не будет непролазной грязи и насквозь пронизывающему ветру. К тому же она с завидным упрямством промачивала ноги и простужалась. Тем более что за те неполные тридцать лет, которые Соня прожила на свете, все действительно крупные неприятности происходили с ней именно осенью. Может быть, поэтому она начала осень просто бояться. И ждала каждую с суевренным страхом.

Однако сегодня ей совсем не хотелось думать о плохом. Ну и что, что впереди осень. Эта будет особенная, счастливая. Ведь из любого правила бывают исключения.

Тогда, в той другой жизни, Соня и не мечтала полюбить снова. После неудачного первого замужества она даже зареклась думать о браке. Зачем? Жить с нелюбимым человеком в то время для нее было абсурдным, а все, поголовно все, мужчины вокруг казались либо серыми занудами, либо законченными бабниками, либо стопроцентными тупицами.

Так и жила Соня, уныло и размеренно, иногда встречалась с Герасимовым, который по причине ее развода активизировался, как никогда прежде. С Юрой отношения у них были чисто «пионерские», потому что даже при мысли о более близких Соню буквально тошнило. Она с детства обладала хорошей фантазией и, представив себе сутулого, с выпирающими ключицами и ребрами Юру с собой в постели, зареклась никогда, ни под каким предлогом не проводить такой эксперимент.

Как говорится, «никогда не говори никогда».

Однажды, еще холодным апрельским вечером, Соня зашла к Ирине. Ирина рассталась с очередным «мужем» и, находясь в привычном для себя состоянии — депрессии по поводу уходящей молодости, позвонила ей на работу и со слезами в голосе попросила немедленно приехать. В тот день Соня просто зверски устала, но отказать подруге в такой критический для нее момент не решилась.

Когда Ирка распахнула входную дверь, Соня сразу догадалась, что та — «под градусом». Первое пришедшее в голову объяснение было вполне правдоподобно — Ирина, как обычно, «заливает» свое очередное горе, но, приглядевшись чуть внимательнее, Соня на раскрасневшейся физиономии подруги увидела безмерное счастье.

«Андрей, что ли, вернулся?» — соображала Соня, но когда вошла в комнату, мгновенно про всех забыла.

Много раз потом Соня пыталась вспомнить, как выглядел в тот вечер Кирилл, что на нем было надето и т.д., — бесполезно. Единственное, что навсегда врезалось в память: это его глаза.

Итак, Соня вошла в комнату и замерла. Огромные, желто-зеленые, как у кошки, глаза, казалось, смотрели прямо в душу. Шквал совершенно незнакомых чувств буквально сбил Соню с ног. Внезапно она поняла, все, что было раньше, — только игра, а настоящая жизнь начинается с этой минуты.

Ничего не замечая вокруг, а только ощущая на себе его обжигающий взгляд, Соня на негнувшихся ногах подошла к дивану и села рядом. Единственным и непреодолимым желанием было, хотя бы на мгновение, прикоснуться к руке Кирилла.

Совершенно потеряв контроль над своими поступками, Соня пододвинулась поближе и прижалась к нему бедром. Кирилл вздрогнул всем телом и незаметно для окружающих обнял ее за талию.

Время остановилось. Все вокруг суетились. Что-то прямо в лицо орала возбужденная Ирка, какая-то незнакомая женщина мрачно смотрела на Соню. Высокий симпатичный мужчина, вошедший в комнату с блюдом, на котором красовались желтые яблоки, протянул Соне бокал с шампанским.

— За знакомство!

Ничего не ощущая, кроме нежного прикосновения Кирилла, Соня подняла бокал и залпом выпила содержимое.

В голове прояснилось, и она наконец-то услышала Ирку.

— Ну чего ты как немая? Познакомься, — наверное, в сотый раз верещала Ирина. — Это, — она указала рукой на обнимавшего ее мужчину, — Кирилл, а это, — кивнула в сторону мрачной женщины, — его без пяти

минут жена Альбина! А этот красавчик, — Ирка игриво обняла высокого мужчину, — мой старый друг Петр...

Ирка продолжала что-то говорить дальше, но Соня оглохла от свалившегося на нее горя.

«Альбина! Все!»

Окаменев всем телом, Соня тяжело поднялась с дивана и, чтобы не разреветься при всех, поспешно вышла на кухню.

— Налью себе воды.

Прислонившись лбом к холодному оконному стеклу, Соня никак не могла справиться с охватившим ее отчаянием.

«Господи, у него есть жена. А ты что хотела?» — уговаривала она сама себя, но ничего не помогало.

Внезапно за спиной раздались едва слышные шаги, и Соня обернулась. Прислонившись к дверному косяку, стоял Кирилл.

Соня замерла, все остальное происходило словно во сне. Медленно, не сводя с нее своих кошачьих глаз, он подошел прямо к Соне и поцеловал ее в губы. Ласковый и робкий поцелуй пробил их тела таким электрическим разрядом, что, абсолютно про все забыв, они начали целоваться как одержимые.

Совершенно обезумев, Соня сама расстегнула его рубашку.

Ирка вошла как нельзя вовремя.

— Вы что, обалдели? — Она в ужасе смотрела на их разгоряченные лица. — Сейчас сюда придет Альбина!

Соня и не заметила, как полностью ушла в воспоминания, и чуть не угодила под машину. От резкого сигнала клаксона она вздрогнула и очнулась — оказалось, что прекрасный вечер уже давно превратился в прекрасную ночь.

На улице все чаще стали попадаться гуляющие влюбленные, но Соня уже давно перестала обращать внимание на счастливых людей. Иногда ей даже казалось, что она сама заражает всех окружающих своей тоской.

Сегодня же ее внимание почему-то привлекла одна молодая пара. Парень был не слишком высокого роста, зато обладал великолепной фигурой. Его выразительные голубые глаза неотрывно следили за каждым движением возлюбленной. Сама же девушка была выше своего спутника почти на полголовы, роскошные черные волосы ошеломляюще оттеняли синие глаза. В переплетении их рук была такая изумительная нежность, что Соня непроизвольно замедлила шаг, чтобы еще раз на них полюбоваться.

— Еще только десять, — долетел до нее приятный голос парня.

Соня опешила. Как десять? Господи, Юра, наверное, уже по моргам ищет.

Она побежала домой. И все же счастливая парочка не выходила из головы. Соня не хотела себе признаться, что смертельно завидует им. Потому что никогда уже не будет ни на кого вот так смотреть, ловить каждый вздох. Вместе с Кириллом умерла и душа Сони. Телесная оболочка осталось жива и невредима, а вот внутри все выгорело подчистую. Может быть, еще и поэтому живет она сейчас с Герасимовым, потому что уже совсем ничего не чувствует. Так какая разница, с кем жить?!

Соня вихрем взлетела на свой этаж и до упора нажала кнопку звонка.

Из-за двери послышалась мелодичная трель. Потом все стихло.

«Заснул он, что ли?» — искренне удивилась Соня и полезла за ключом.

Когда же она открыла дверь и зажгла свет, то первым делом в глаза бросилась разбитая ваза, так и оставшаяся лежать в коридоре.

Значит, Юры дома нет, иначе бы он обязательно убрал битое стекло.

Еще раз взглянув на часы: двадцать минут одиннадцатого, и уже начиная волноваться, Соня пошла на кухню.

У них с Юрой была договоренность: если кто-нибудь куда-нибудь внезапно уходит, то оставляет записку на обеденном столе.

Но на столе записки не оказалось. Соня, ощущая нарастающее волнение, метнулась в комнату, по дороге уронив табурет.

Руки предательски задрожали. «Что могло случиться?»

Еще никогда Юра не приходил так поздно, а если и задерживался, то обязательно предупреждал по телефону.

В комнате записки тоже не было.

Соня вернулась на кухню и нерешительно замерла на месте. Наверное, следует позвонить родителям Юры и спросить у них.

«Или пока не звонить, а подождать еще немного?»

И в это мгновение в коридоре раздался звонок.

«Пришел! — обрадовалась Соня. — Он просто забыл ключи, чучело!» — радостно догадалась она.

Ей так не хотелось, чтобы в такой прекрасный вечер случилось что-нибудь неприятное.

С огромным облегчением Соня выбежала в коридор и распахнула дверь.

— Где же ты был? Я уже волнова...

Перед ней стоял высокий худощавый мужчина лет тридцати пяти в темном джемпере.

— Самойлова Софья Евгеньевна здесь проживает? — почему-то недовольным тоном спросил он.

— Вы кто? — У Сони внезапно пересохло горло. В дурном предчувствии сдавило сердце. — Что с ним?

— С кем? — удивился мужчина.

— С Юрой?

— С каким Юрой?

— С Герасимовым.

— Не знаю. А вы Самойлова?

— Самойлова.

— Тогда мне надо с вами поговорить. — Мужчина осторожно отодвинул опешившую Соню плечом и во-

шел в квартиру. — Чего же вы в дверях стоите, идите сюда, — уже с кухни прокричал он.

Соня наконец вышла из оцепенения и захлопнула входную дверь.

«Интересно, кого это я пустила в дом? Уж не бандита ли?» — поздновато испугалась она и вошла на кухню.

Мужчина сидел за столом и держал в руках какую-то книжечку.

— Вы всегда незнакомых людей в квартиру пускаете? — Он словно прочел ее мысли. — А если бы я был, предположим, вором? Или еще хуже — убийцей?

— А вы вор? Или убийца?

— Я из полиции, Сеницын Андрей Яковлевич, — представился мужчина и протянул книжку, которая при близком рассмотрении оказалась удостоверением.

Уже не ожидая ничего хорошего, Соня села с ним рядом за стол.

— Иванову Светлану Игоревну когда последний раз видели?

Соня, не ожидавшая такого вопроса, растерялась.

— Свету? Ну как же! Сегодня утром. Она взяла у меня костюм. Напрокат, — добавила она, немного подумав.

— Костюм серый?

— Серый. А вы откуда знаете?

Сеницын проигнорировал вопрос и тут же добавил:

— Значит, костюм ваш.

— Ну, наверное, мой. А что, мне его нельзя было отдавать, не посоветовавшись с вами? — Соня начала всерьез злиться.

Приперся, задает дурацкие вопросы и ничего не объясняет.

Мужчина сразу уловил перемену в ее настроении.

— Не злитесь. Я сейчас все вам объясню. Только ответьте на последний вопрос. Во сколько она у вас была?

— В восемь.

Теперь Сеницын тяжело смотрел ей в глаза.

— Светлана Игоревна убита. Тело найдено на стройке рядом с вашим домом.

— Как убита? — по инерции спросила Соня, оглушенная услышанным до такой степени, что даже не поняла сказанного.

— Как? Вас интересует технология убийства? Ее задушили.

— Господи, меня не интересует, КАК ее убили, я вообще не могу понять, зачем вы мне это рассказываете?

— Потому что вы единственный свидетель, который видел Иванову прямо перед смертью.

Соня закрыла глаза. В голове стоял ровный гул, словно несколько самолетов одновременно заходили на посадку. К горлу подступила тошнота, и спазмами свело желудок.

— Меня, наверное, сейчас вырвет, — прошептала она и, пошатываясь, вышла из кухни.

Открыв до упора кран с холодной водой, Соня перевела рычаг смесителя на положение «душ» и начала раздеваться. Через секунду ледяная вода обожгла тело, зато сразу же отпустило желудок и прекратился этот выматывающий гул в голове.

Соня сильно замерзла и, чтобы согреться, начала ожесточенно растирать себя махровым полотенцем.

Когда через несколько минут она вышла из ванной, Сеницына уже не было. На какое-то мгновение ей показалось, что все происшедшее было только страшным сном, наваждением, галлюцинацией, но, взглянув на обеденный стол, Соня мгновенно вернулась в реальность.

На клеенке в красно-белую клетку, рядом с сахарницей лежала повестка в полицию. Завтра.

Тяжело шаркая ногами, она двинулась в коридор, чтобы закрыть за Сеницыным дверь.

В голове опять зашумело. «Наверное, давление упало», — только и успела подумать Соня, как перед глазами заплясали огоньки. Пришлось прямо в коридоре сесть на пол.

«Посижу минут пять и встану», — подумала Соня, закрывая глаза и поудобнее устраиваясь около стены.

Проснувшись она спустя час, совершенно не ощущая онемевшую от неловкого сидения левую ногу.

Соня попыталась встать, но тут же рухнула на пол. Нога не слушалась.

«Чего это я делаю в коридоре?» — еще окончательно не проснувшись, удивилась Соня, пытаясь принять вертикальное положение.

В ту же секунду всю левую сторону тела свела такая судорога, что пришлось оставить очередную попытку встать самостоятельно.

— Юра!

В квартире стояла такая тишина, что жалобный Со-нин голос прозвучал как оглушительный крик.

Непроизвольно вздрогнув, она посмотрела на часы. Без пяти два. И тут же все вспомнила. И Синицына — будь он не ладен, и то, что Юры не было вечером дома. Теперь было уже ясно, что Герасимов не пришел домой ночевать. И даже не предупредил.

«Господи, с ним точно что-то случилось. Наверное, он пошел встречать меня через стройку. Ну да, конечно. А я, идиотка, видите ли, гуляла, погодой наслаждалась».

Соня резко поднялась на ноги и, сильно хромая, побрела в комнату. Где-то здесь должен быть блокнот с телефоном Юриных родителей.

Нервничая все сильнее, она начала лихорадочно листать страницы.

«Ну где этот чертов телефон?» Руки дрожали так, что найденный номер удалось набрать только через пять минут, в течение которых она постаралась максимально успокоиться.

Но трубку никто не брал. Подождав некоторое время, Соня повторила попытку. Ничего, хотя Юрины родители никогда не отключали телефон на ночь. Значит, точно произошло какое-то несчастье.

«Как я сразу не догадалась! На стройке нашли не только бедную Свету, но и... Юру. Просто этот противный Синицын, видя, что мне стало плохо из-за соседки, решил ничего не говорить о Юре. Наверное, он ранен и лежит в больнице. А родители у него».

Теперь все стало на свои места. И поздний визит Синицына, и отсутствие Герасимова.

«Надо срочно найти, куда его увезли», — лихорадочно листая телефонный справочник, рассуждала Соня.

Выписав несколько телефонных номеров приемных покоев, она начала звонить.

— Здравствуйте. — Соня старалась говорить так, чтобы голос ее не дрожал. — Скажите, пожалуйста, к вам сегодня ночью или вечером не поступал Герасимов Юрий?

Соня вспомнила, что он никогда не носил с собой никаких документов, и тут же добавила:

— Молодой человек, на вид чуть больше тридцати.

— Что на нем было надето, девушка?

— По-моему, синие спортивные брюки и... — Соня никак не могла припомнить, в каком свитере Юра ушел из дома, — и в синем свитере. Нет! Подождите — в коричневом свитере.

— Минуточку...

Сердце стучало так сильно, что Соня побоялась не расслышать ответа и из последних сил прижала трубку к уху.

— Нет, такого не привозили.

Осталось четыре номера. Еще в двух больницах Юры тоже не было. А вот в четвертой по счету неожиданно надолго замолчали.

После оглушительной тишины, во время которой Соня окончательно поняла, что сейчас услышит, в трубке раздался тихий голос:

— А вы кто ему?

«Значит, он там». Нестерпимо заныло сердце.

— Жена, — минуту поколебавшись, ответила Соня.

— Тогда немедленно приезжайте, немедленно! Слышите?

— Что с ним?

— Записывайте адрес, — ничего не объяснив, приказал приятный женский голос, — и приезжайте побыстрее.

— Что с ним?

Но из трубки уже раздавались гудки.

Очнулась Соня только в такси. Она совершенно не помнила, как собиралась, как вызвала машину и продиктовала адрес больницы. Все происходящее напоминало страшный сон.

Соня не догадалась надеть что-нибудь теплое и выбежала из дома в первой попавшейся футболке, которая валялась на диване, и в домашних джинсах. В начале осени, да еще ночью, пришли первые заморозки, и теперь она жутко замерзла.

— Что же вы так легко оделись? — поинтересовался шофер, наблюдая за Соней в зеркало заднего вида.

Ничего, не ответив, она только посильнее сжала зубы, чтобы унять дрожь.

В приемном покое Соня уже ничего не смогла сделать с бившей ее лихорадкой. Пришлось переждать несколько минут и только после этого подойти к окошечку «Справочного».

Оказалось, что ее уже ждали.

— Девушка, почему же так долго? Я ведь сказала — приезжайте немедленно, — начала было брюзжать подошедшая к Соне пожилая женщина в белом халате, но внимательно на нее посмотрев, внезапно замолчала на полуслове.

— Пойдемте со мной, — изменившимся голосом попросила она.

Они поднялись на второй этаж и пошли по длинному коридору. Внезапно докторша остановилась.

— Нам надо поговорить, — устало произнесла она. Соня молча кивнула головой.

— Вас лихорадит. Хотите, я накапаю вам валерьянки?

Соня снова кивнула.

Они вошли в небольшую палату, полностью заставленную прозрачными шкафами с лекарствами.

— Выпейте. — Женщина протянула небольшую пластиковую чашечку, от которой резко пахло валерьянкой.

Соня послушно опрокинула содержимое стаканчика в рот.

— Вам лучше? — через некоторое время спросила доктор.

— Да, — ответила Соня и не узнала свой собственный голос, таким глухим и слабым он ей показался.

— Мне очень тяжело вам это говорить, но ваш муж умер полчаса назад. — Женщина замолчала, внимательно наблюдая за реакцией Сони. — Его привезли около десяти вечера с увечьями, несовместимыми с жизнью. Была пробита голова и сломан позвоночник. Он умер, не приходя в сознание, — немного подумав, добавила она.

Безразличие ледяной волной окатило Соню. Она тупо смотрела в некрасивое лицо докторши и не могла поверить ни слову. Тонкие губы женщины двигались, обнажая мелкие неровные зубы. Потом ее рот стал стремительно расти, пока не превратился в огромную воронку.

Резкий запах привел Соню в чувство. Первое, что она увидела, открыв глаза, был кусок медицинского бинта, который доктор держала прямо перед Сониным носом. От него нестерпимо воняло нашатырем.

Соня грубо оттолкнула от себя руку женщины и резко поднялась на ноги. В голове тотчас зашумело.

— Покажите мне его, — еле слышно попросила Соня.

Докторша понимающе отвела глаза в сторону и направилась к двери.

— Пойдемте.

И вот они снова идут по каким-то длинным, едва освещенным коридорам. Соня совершенно не смотрела по сторонам, от слез она едва различала спину женщины, за которой шла нетвердым шагом.

«Это все из-за меня. Я его убила во второй раз. Тогда он чудом выжил, а теперь... Я... я во всем виновата».

Сейчас, когда Герасимова не стало, Соня вдруг отчетливо поняла, как ей его не хватает. Как он ей нужен.

От отчаяния хотелось биться головой о стену. Боль огромным раскаленным комом застыла в груди. Каждый вздох давался с трудом.

«Прости меня, Юрочка! Я так перед тобой виновата».

Как и в первый раз, женщина остановилась так внезапно, что Соня, поглощенная своими мыслями, чуть не сбила ее с ног.

— Сюда.

Они стояли около едва освещенной комнаты с железной дверью.

— Проходите. — И доктор открыла дверь.

На ватных ногах Соня вошла в комнату и в нерешительности замерла на месте. Прямо перед ней полностью закрытый простыней лежал человек.

— Юра! — срывающимся голосом закричала Соня и сдернула саван.

На кровати лежал совершенно незнакомый мужчина с заострившимся лицом. Вся голова его была в бинтах, на которых то тут, то там проступали пятна крови.

Еще мгновение Соня непонимающе смотрела на неподвижное тело, а потом судорожно зарыдала.

— Это не он!

Дверь с шумом распахнулась, и в палату вбежали докторша с молоденькой медсестрой.

— Вам плохо? Успокойтесь ради бога!

— Это не он! Не он! Понимаете! Это не Юра!

Облегчение было таким сильным, что Соня заревела прямо в голос.

— Спасибо тебе, Господи! Спасибо!

Женщины наконец все поняли и вывели рыдающую Соню. Она тяжело опустилась на неуклюжий диванчик в конце коридора и закрыла глаза.

«Все кончилось. Теперь все будет хорошо», — но лучше ей не становилось.

Наоборот, Соня совсем некстати вспомнила, как несколько лет назад так же ходила к Юре в больницу. Тогда он лежал в токсикологии с тяжелейшим отравлением. Из-за нее. События трехлетней давности снова встали перед глазами...

Солнечное майское утро совершенно не радовало Соню. Она закрыла глаза и повернулась спиной к окну. Казалось бы, совершенно пустяковая проблема неожиданно переросла в настоящую трагедию.

«Черт! Да как он смеет отравлять мне жизнь, и именно тогда, когда я так счастлива!»

Соня была по-настоящему зла на Герасимова. После той памятной встречи у Ирки они с Кириллом больше не расставались ни на минуту. Тогда, конечно, разразился страшный скандал, потому что Альбина, с которой Кирилл, кстати, уже жил в гражданском браке целых четыре года, все же увидела их целующимися на кухне. Хлопнув дверью, она выскочила на улицу, Кирилл бросился ее догонять.

В этот же вечер, взяв у Ирины адрес, Кирилл пришел к Соне. Естественно, расстались они только утром, да и то, потому что ему надо было увезти из своей квартиры вещи Альбины. С Альбиной он распрощался навсегда.

Месяц пролетел как в сказке. Они уже успели подать заявление в ЗАГС, и Соня присматривала себе свадебный наряд.

Все это время Юра Герасимов провалялся в больнице, куда его положили заботливые родители, пытаясь спасти нерадивого сыночка от армии. Абсолютно здоровый Герасимов умирал от скуки и звонил Соне десять раз в день.

Соня почему-то не сказала ему про Кирилла сразу, а все тянула с разговором, словно боялась спугнуть свое счастье.

Однако, когда они с Кириллом подали заявление и уже был известен день свадьбы, абсолютно счастливая Соня все же решила сходить к Юре в больницу и все ему рассказать. Умолчала она только про предстоящую регистрацию. После ее ухода Герасимов неподвижно пролежал на кровати до вечера, а ночью прокрался в ординаторскую и выпил все таблетки, которые ему удалось найти в стеклянном шкафу. Слава богу, что сильнейшие лекарства хранились под замком в недоступном для него месте, и Юра наглотался всякой дряни типа ацетиловой кислоты и димедрола, но и этого ему хватило с лихвой.

Утром, уже без сознания, его обнаружила дежурная сестра, которая обходила палаты.

Герасимова удалось спасти, но состояние было очень тяжелым. Из больницы позвонили родителям, а те, в свою очередь, тотчас позвонили Соне.

Соня снова повернулась к окну. Ослепительные солнечные зайчики тут же прыгнули ей на лицо. Соня недовольно поморщилась и натянула одеяло на голову.

«Тяни не тяни, а идти придется». Она никак не могла заставить себя сходить к Герасимову в больницу еще раз. Родители объяснили Соне, что Юра отравился лекарствами, но решили, что причиной этого дурацкого поступка был страх перед армией, которую Герасимов боялся до дурноты.

Нина Евгеньевна, мать Юры, заливаясь слезами, просила поддержать сына в такой тяжелый для него момент.

Соня с ужасом подумала о предстоящей встрече и опять села на разобранную постель. Ноги отказались ее слушаться. Она снова попыталась себя убедить, что Юра действительно хотел покончить с собой из-за армии, но у нее ничего не получилось.

Врать себе оказалось очень трудно. Соня прекрасно знала, из-за КОГО Герасимов пошел на самоубийство, и чувствовала себя виноватой. Поэтому злилась на Юру еще больше.

Сегодня они с Кириллом должны были выбирать обручальные кольца, и у нее совершенно не оставалось времени на этого неудачника Герасимова.

«Нет, но почему именно я должна с ним возиться?» — в сотый раз спрашивала себя Соня, уже выходя из подъезда на освещенную ярким солнечным светом улицу.

Стоял чудесный теплый день. Воздух был наполнен ароматом цветущих яблонь, ласковый ветерок трепал длинные Сонины волосы, и ее настроение постепенно улучшилось.

Уже подъезжая к больнице, Соня совершенно успокоилась и только мечтала поскорее отвязаться от Юры. Мысленно она уже примеряла обручальные кольца вместе с Кириллом.

Герасимов действительно выглядел очень плохо. Им разрешили поговорить в больничном дворе и теперь они сидели на деревянной скамейке, покрашенной в ужасный грязно-зеленый цвет.

Молчание затягивалось, Соня не знала, что говорить в таких случаях, а Юра, казалось, совершенно ушел в себя.

— Я, наверное, пойду, — неуверенно начала Соня, мечтая как можно скорее отсюда смыться.

— Подожди, — внезапно грубо прохрипел Герасимов.

Соня испуганно замолчала. Только скандала ей сейчас не хватало.

— Юра, — Соня попыталась его успокоить, — тебе нельзя волноваться. Я приду завтра, и мы обо всем поговорим.

— Завтра ты не придешь. — Герасимов словно прочитал ее мысли. — Ты знаешь, что я давно тебя люблю?

Соня, с преувеличенным интересом разглядывающая свои дешевые туфельки, с раздражением ответила:

— Зачем все это?

— А затем, что я тебя могу сделать счастливой, а ты постоянно выбираешь мужчин, которые делают тебя несчастной.

«Намекает на первого мужа, скотина». Она разозлилась не на шутку и теперь еле-еле себя сдерживала.

— Прекрати, пожалуйста, — звенящим от гнева голосом попросила Соня. — Этот разговор не нужен ни тебе, ни мне.

— Ты опять собралась замуж?

— А тебе-то какое дело? — не выдержала и закричала Соня.

— Я тебя люблю, — упрямо повторил Герасимов и неожиданно предложил: — Давай поженимся!

Соня больше не могла вынести ни минуты рядом с этим худым, заросшим трехдневной щетиной и неприятно пахнувшим больницей, чужим мужчиной. Она решительно поднялась:

— До свидания, Юра! Поправляйся скорее.

Герасимов схватил ее за руку.

— Хотя бы обещай, что не выйдешь замуж за первого встречного, плохо знакомого тебе человека! И пожалуйста, подумай над моим предложением! — Он смотрел на нее глазами больного ребенка.

— Обещаю! — заверила Соня, думая о предстоящей регистрации восьмого июля. — И обязательно подумай над твоим предложением!

Она легко вырвала руку и, не оглядываясь, побежала к выходу.

Едва ее ножка ступила за больничную ограду, из головы Сони тут же вылетел и Герасимов, и его идиотское предложение. Она бежала навстречу к Кириллу. Что могло быть важнее?

У Герасимова в тот же день случился кризис, и врачи вернули его буквально с того света. Он еще долго

пролежал в больнице, но Соня больше ни разу так и не пришла.

Теперь, вспоминая все это, Соня чувствовала себя последней дрянью. Так паршиво на душе у нее уже давно не было.

Но она до сих пор не знала, что по иронии судьбы Юру тогда выписали, 8 июля, и он сразу же из больницы пошел к ней.

Во дворе Герасимов столкнулся с вереницей украшенных лентами машин, а через мгновение увидел пьяную от счастья Соню в белом платье.

Свадебный кортеж давно уехал, а он все еще продолжал стоять, прислонившись щекой к раскаленной от летнего солнца стене дома.

Ярко накрашенная старуха в нелепом желтом халатике, едва прикрывающем худые старые коленки, с удивлением посмотрела на Юру. Она неподалеку выгуливала облезлую болонку и, теперь решив, что парень просто пьян, радостно предвкушая предстоящий скандал, грозно двинулась к нему.

— Эй! Пьянь подзаборная! Пошел... — но, посмотрев Герасимову в глаза, осеклась на полуслове.

Этот странный парень ее и не заметил, он до сих пор продолжал смотреть вслед уже давно скрывшимся из вида свадебным машинам.

Много повидавшая на своем веку бабка Люба просто испугалась, разглядев в его тусклых глаза такую лютую ненависть, что решила с ним не связываться. Она тихонько подозвала свою собаку и, испуганно оглядываясь на Юру, забежала в подъезд.

Дверь с грохотом захлопнулась, и Герасимов внезапно очнулся:

— Ну что ж, ты сделала свой выбор...

Наступило осеннее хмурое утро. Ветер, шумевший всю ночь напролет, все же пригнал холодный зимний воздух. Этой ночью пришли первые заморозки. Ранним утром лужи были подернуты тонкой, еще зыбкой

наледью и накрапывал холодный колючий дождь. Прохожие удивленно посматривали на худенькую женщину, одетую в легкую футболку без рукавов, которая шла, качаясь из стороны в сторону.

— Напилась с утра, алкоголичка, — кивнула с презрением в сторону Сони полная дама в красивом кожаном пальто. — Выселять таких надо из города, чтобы приличных людей не пугали.

Соня подняла на нее красные, воспаленные глаза, оттененные черными кругами:

— Я вам чем-то помешала?

— Потаскуха!!! — неожиданно тонким голосом завизжала толстуха. — Она меня оскорбила! Нет, вы только на нее посмотрите! Морда еще с утра не протрезвела, а туда же лезет...

Соня опустила голову и пошла прочь как можно быстрее. Привлеченные громкими криками уже стали собираться прохожие. Дама выразительно закатывала глаза, продолжая показывать в сторону Сони.

— Потаскуха! Да таких убивать надо! — не унималась женщина.

Соня свернула в первый попавшийся дворик и прислонилась спиной к дереву. Вся прошедшая ночь напоминала третъяесортный фильм ужасов. Ко всем предыдущим радостям жизни, выйдя из больницы, Соня обнаружила, что у нее не осталось денег на обратную дорогу.

Спустя час, окончательно замерзнув и давясь непрерывным кашлем, она наконец-то добралась до несчастной стройки, граничившей с ее домом.

До квартиры оставалось минут десять, когда Соня осознала, что проходит мимо дома Юриных родителей. Силы были на исходе, она чувствовала, что сильно простудилась и уже поднимается температура. Но Герасимов исчез, и выбора не было. Тяжело вздохнув, Соня открыла дверь подъезда и зашла внутрь.

Сначала она долго звонила, а потом в панике начала стучать кулаком в дверь. В доме стояла такая

мертвая тишина, что даже слабый удар казался оглушительным.

Через несколько минут, показавшихся Соне бесконечными, за дверью послышались шаркающие шаги и недовольный заспанный голос спросил:

— Кто там?

Это была мать Юры.

«Так она еще спала и спала крепко, — удивилась Соня. — Я ее разбудила. Значит, с Юрой ничего страшного не случилось. Или она просто не знает?»

— Это Соня.

За дверью настороженно замолчали. Подумав, что сказала слишком тихо и мать Юры не расслышала, снова почти закричала:

— Это Соня, вы меня слышите?

Дверь мгновенно отворилась. Нина Евгеньевна, суетливо оглядываясь по сторонам, судорожно дергала за полы старого махрового халата, пытаясь спрятать от посторонних глаз безобразно отвисшую грудь, просвечивающую через тонкую материю ночной сорочки.

— Не кричите — соседи услышат. Что вы здесь делаете в такое время?

Плохо соображавшая после бессонной ночи и начавшейся простуды, Соня не уловила металлических ноток в голосе предполагаемой свекрови. Просто машинально удивилась, что та не приглашает ее войти. С Ниной Евгеньевной отношения у них были ровные, без особой симпатии, но и без взаимных оскорблений. Да и повода для ссор не было.

— Юра пропал, — выдохнула Соня и, обессилев, прислонилась к косяку. Перед глазами поплыли огни, а голова нестерпимо горела.

— Я знаю, — сказала мать Юры и поджала тонкие губы. Она наконец-то справилась с халатом и перевязала необъятную талию пояском. — И нечего было так шуметь.

— Я боюсь, что с ним что-то случилось, — абсолютно не поняв услышанное, начала объяснять Соня. — Я только что из больницы, думала, что он...

Нина Евгеньевна перебила ее на полуслове и вдруг по-змеиному зашипела:

— Теперь он от тебя далеко. Слава богу! Ты же все время проходу не давала моему мальчику! Таскалась за ним днем и ночью. Хорошо, что мы вчера телефон отключили. Ведь Юрочка меня предупреждал, что ты такая наглая, можешь даже сюда заявиться. А я-то дура не поверила. Думала, что хоть немного совести у тебя есть. Бегаешь за женатым мужиком. Оно и понятно — в твои-то годы и с твоей внешностью, — ты в зеркало-то на себя посмотри. Вот сегодня ты не намазалась, как обычно, и сразу видно, какая ты на самом деле. — Мать Юры с каждой минутой распалась все больше и под конец закричала в голос: — Оставь в покое моего ребенка. И моей квартиры ты никогда не получишь. Авантюристка! Правильно тебя муж бил, потаскуху!

Из всего этого потока брани ошеломленная Соня поняла только последнюю фразу. Она сильно побледнела и до крови закусил губу.

— Откуда вы знаете?

Когда-то давным-давно Кирилл, выпив немного лишнего, приревновал ее к своему другу и ударил по лицу. Удар был такой силы, что Соня чуть не упала. Потом они страшно поругались, Кирилл просил прощения, но она так и не смогла забыть чудовищного унижения и отчаяния, охватившего ее в тот момент.

Еще много лет эта безобразная сцена снилась Соне, и тогда она плакала во сне. В одну из таких ночей и разбудил ее Герасимов.

— Любимая, проснись. — Юра тормошил ее за плечо. — Ты плачешь. Что тебе приснилось, девочка моя?

Софья открыла глаза и, еще сонная, все ему рассказала. И сколько лет подряд видит этот кошмар и какую невозможную боль до сих пор приносят эти воспоминания. И даже музыка, звучавшая в тот момент на вечеринке, навсегда застыла в памяти.

— Мне Юраша рассказывал. Он мне всегда говорил, что тебя, шлюху, только кулаками учить надо.

— А Юра-то где? — У Сони от высокой температуры заложило уши, она слышала все словно через ком ваты. Слышала, но ничего не понимала.

— Вот бесстыжая. — Казалось, Нина Евгеньевна сейчас кинется с кулаками. — Уехал Юрочка в свадебное путешествие с женой. Помирились они и уехали, еще вчера утром. В Египет. А ты — дрянь бессовестная, не ходи сюда больше, и оставь моего сыночка в покое. А не то полицию позову.

И оттолкнув Соню, с грохотом захлопнула дверь. Постояв еще пару секунд перед квартирой, собралась с силами и начала спускаться вниз. В то же мгновение оглушительный шум, казалось, разорвал Сонину голову, и, застонав, она опустилась на ступени.

Только спустя полчаса Соня добралась до дома. Не снимая обуви, прошла в ванную и прямо в одежде влезла под горячий душ. Ее колотила лихорадка, лицо горело, но согреться Соня никак не могла. Она стояла в прилипшей к телу футболке и джинсах с закрытыми глазами под струями обжигающей воды и старалась ни о чем не думать.

«Потом, все потом».

Завернувшись в махровое полотенце, Соня прошла на кухню и выпила целую горсть таблеток — от температуры, простуды и антибиотик, даже не задумываясь, совместимы ли они. Потом медленно, как во сне, поплыла в комнату и открыла шкаф в поисках теплой одежды. Ее до сих пор сильно знобило.

Половина секций в шкафу была пустая — не хватало Юриной одежды. Если бы только Соня догадалась посмотреть здесь вчера вечером, ничего этого бы не произошло. Ни ужасной поездки в больницу, ни встречи с несчастным умершим, принятым Соней за Герасимова, ни изматывающей прогулки по утреннему промерзшему городу и, наконец, не было бы этой безобразной сцены, окончательно ее доконавшей, в подъезде Юриных родителей. Но она не посмотрела.

«И все случилось как нельзя хуже». Соня продолжала рыться в шкафу, пытаясь найти любые теплые вещи. Как назло, ничего под руку не попадалось. Спустя несколько минут она наконец-то догадалась, что Юра, собирая свои шмотки, «случайно» прихватил и некоторые ее. В частности, новый ангорский свитер и пуховик, который ей недавно подарил отец. Соня его только один раз и померила. Юра тогда пообещал купить под него красивую вязаную шапочку.

«Теперь он купит ее жене, как раз под обновку».

Она с ненавистью захлопнула дверцу.

«Черт, ну и дура же я. Он же вчера утром потащил на работу с огромной сумкой, а когда я спросила: «Что там?» — сказал, что нужно вещи в химчистку забросить. Видимо, Герасимов рассчитывал отделаться от меня без объяснений и скандалов. То есть когда я через некоторое время, по его замыслу, должна была обнаружить пропажу, его уже нельзя было найти. Насколько я поняла, Юра в это время был на пути в аэропорт с законной женой».

Соня медленно побрела в ванную, чтобы взять теплый плед, который сушился на веревке под потолком. Завернувшись с головой в шерстяное полотно, она почувствовала, как смертельно устала и что абсолютно нет сил идти обратно в комнату. Свинцовая тяжесть сковала все тело.

Соня опустилось в старое кресло, которое стояло в ванной на том месте, где у всех нормальных людей находится стиральная машина. На машинку у Сони денег не было, а кресло выбрасывать жалко.

«Ну вот, он мне и отомстил», — последнее, что подумала Соня, проваливаясь в черный тяжелый сон.

Лена надела темные очки и еще раз взглянула на огромное раскаленное солнце.

«Так гораздо лучше», — решила она, но все же вернулась в номер.

Несмотря на раннее утро, жара стояла ужасная, и у нее опять разболелась голова. К тому же нестерпимо слезились глаза.

«Или я инфекцию заморскую подхватила?»

Она уже была не рада этому так называемому второму медовому месяцу. Но ведь ей опять повезло. Муж вернулся сам, и Лене не пришлось ничего выдумывать. После того неудавшегося вечера у Олега она еще недели две не могла собраться с мыслями, а только пила водку, запасы которой к дню рождения свекра стояли почему-то у них на балконе.

Когда горячительное кончилось, Лена решила подумать над своим положением всерьез. И собралась она это сделать в одно безрадостное утро, когда поняла, что опохмелиться нечем и на завтрак только пустой холодильник.

Лена с легким отвращением посмотрела на спящего мужа и пошла в душ. Здесь, в этой долбаной заморской стране, она, не выносившая даже обыкновенной среднестатистической, так сказать, жары, была вынуждена постоянно торчать под струей холодной воды.

Так вот именно в то самое утро муж вернулся домой как ни в чем не бывало, часов в девять.

Лена сначала даже подумала, что допилась до белой горячки и все происходящее ей только кажется.

Он сразу же прошел на кухню, послышался звон тарелок и кастрюль.

«По-моему, он решил позавтракать», — догадалась Лена и истерически засмеялась.

Муж вернулся в комнату не солоно хлебавши и какое-то время смотрел, как она буквально катается по постели от смеха. Потом улыбнулся сам и сказал:

— Там в сумке для тебя подарки. Пуховик и теплый свитер. Только они тебе не понадобятся.

Лена, пытавшаяся из последних сил успокоиться, услышав про подарки, закатилась еще сильнее. Теперь по лицу потекли слезы.

Он тут же вышел и спустя несколько секунд вернулся со стаканом холодной воды:

— Выпей!

Лена послушно пригубила и наконец-то смогла успокоиться.

— А почему они мне не пригодятся? Ты решил меня убить?

— Не сейчас, — как всегда коряво, пошутил муж и тут же добавил: — Просто мы сегодня уезжаем в свадебное путешествие. И там, куда мы едем, будет очень жарко.

— В ад, что ли? — окончательно перестав понимать происходящее, спросила Лена.

— Надеюсь, что нет. — Он был абсолютно серьезный. — На сборы — час!

Вот так она и оказалась здесь в этом номере трехзвездочного отеля «Галакси».

Лена прикурила сигарету и с мокрыми волосами снова вышла на балкон. С наслаждением затаилась и лениво подумала, что они с мужем во время путешествия почти не разговаривают. Никто никому не задает никаких вопросов. А зачем они им сейчас?

Лена подозревала, что не то новая, не то старая любовь мужа выгнала. И что из этого?

Она бы тоже его выгнала, было бы к кому уйти. А пока все нормально. Для всех окружающих в этом сонном царстве — они приличная супружеская пара.

«Надо поскорее найти ему замену, только впредь быть более осторожной. Да, еще надо ему сказать, что я чертовски, просто писаюсь, как хочу от него ребенка».

Лена усмехнулась и выбросила окурок с балкона вниз. Сделав в воздухе красивую петлю, он опустился на огромную шляпу пожилой немки, так не вовремя проходящей под балконом. Лена испуганно пискнула и поспешно ретировалась в номер.

Горло горело так, словно кто-то натер его наждаком. Патлатый судорожно выдохнул воздух и окончательно пришел в себя. За окном было темно.

«То ли вечер, то ли ночь, то ли утро. Не поймешь, что за хрень». Еле передвигая ноги, он поплелся на загаженную до последней стадии кухню. Включил свет и в ужасе отпрянул назад.

Тысячи огромных тараканов бросились врассыпную. В один момент Патлатому даже показалось, что они собьют его с ног.

Налил из-под крана воды и, шумно чмокая, выпил несколько кружек. В последнюю попал таракан, видимо, такой же обдолбанный, как и хозяин, но Патлатый этого даже не заметил. В затуманенном сознании непрерывно бряцал невидимый глазу звоночек, предупреждающий об опасности.

«Что вчера я сделал не так?» — наконец сообразил Патлатый. Но сосредоточиться мешала нарастающая с каждой минутой боль в голове. Внезапно он вспомнил, что сегодня в пять часов должен позвонить заказчик.

«Как я ему скажу? Скажу, что все прошло отлично. Пусть платит деньги».

Сейчас нужна была новая доза, поэтому Патлатый торопился поскорее получить причитающийся ему кусок.

— В пять часов, — обращаясь к своему отражению в окне, повторил он и тут же пошел в комнату искать часы.

Комната, заваленная до потолка всевозможным мусором, оптимизма в Патлатом не вызвала.

«Я здесь до второго пришествия часы искать буду», — решил он, надевая кроссовки на голые ноги, и вышел во двор, в надежде узнать время у первого попавшегося прохожего.

На улице было непривычно холодно, и, чтобы согреться, Патлатый побежал. Пробежав два квартала и

окончательно запыхавшись, он остановился и с удивление огляделся вокруг. Улицы были абсолютно пусты.

«Значит, все-таки ночь», — проявляя чудеса сообразительности, догадался он, начиная замерзать.

Пришлось опять припустить. Спустя десять минут ноги сами вынесли его на ту самую стройку, куда утром он отнес тело женщины. В двух местах горели костры, и постоянные обитатели, со многими из которых Патлатый был довольно близко знаком, грелись в их пламени.

По его подсчетам, до пяти вечера было еще далеко, поэтому Патлатый решил подойти поближе и разузнать обстановку. К тому же было интересно, нашли ли тело той бабенки.

— Привет, мужики! — Патлатый протянул в темноту, освещенную костром, дрожащую руку.

— .....! — тут же отозвались местные жители.

Он подошел поближе и с облегчением увидел среди разномастной публики, греющейся у огня, Сивуху. Бабенка была неопределенного возраста, жутко болтливая и безнадежно в него влюбленная. А может, ей просто хотелось жить у него в хате, а не на стройке, кто поймет? Так или иначе, но она для Патлатого была готова сделать что угодно.

— Привет, любимая! — Он крепко обнял кинувшуюся к нему женщину.

Патлатый сам пах не розами, но даже его привыкший ко всему нос мгновенно заложило от нестерпимой вони грязного, потного тела, денатурата и почему-то гнилой рыбы.

— Патик! — Сивуха уже лезла целоваться.

Непроизвольно отпрянув, Патлатый запнулся о невидимый в темноте кирпич и приземлился на пятую точку.

Оглушительное ржание сидевших у костра ублюдков его сначала взбесило, а потом он махнул рукой: «... с ним!»